

Tereshechka

Худое житье было старику со старухой! Век они прожили, а детей не нажили; смолоду еще перебивались так-сяк; состарились оба, напиться подать некому, и тужат и плачут. Вот сделали они колодочку, завернули ее в пеленочку, положили в люлечку, стали качать да прибаюкивать — и вместо колодочки стал расти в пеленочках сыночек Терешечка, настоящая ягодка! Мальчик рос-подрастал, в разум приходил. Отец ему сделал челночок. Терешечка поехал рыбу ловить; а мать ему и молочко и творожок стала носить. Придет, бывало, на берег и зовет: «Терешечка, мой сыночек! Плыви, плыви к бережочку; я, мать, пришла, молока принесла». Терешечка далеко услышит ее голосок, подъедет к бережку, высыпет рыбку, напьется-наестся и опять поедет ловить.

Один раз мать говорила ему: «Сыночек, милочка! Будь осторожен, тебя караулит ведьма Чувилиха; не попадись ей в когти». Сказала и пошла. А Чувилиха пришла к бережку и зовет страшным голосом: «Терешечка, мой сыночек! Плыви, плыви к бережочку; я, мать, пришла, молока принесла». А Терешечка распознал и говорит: «Дальше, дальше, мой челночок! Это не родимой матушки голосок, а злой ведьмы Чувилихи». Чувилиха услышала, побежала, доку¹ сыскала и добыла себе голосок, как у Терешечкиной матери. Пришла мать, стала звать сына тоненьким голоском: «Терешечка, мой сыночек, плыви, плыви к бережочку». Терешечка услышал и говорит: «Ближе, ближе, мой челночок! Это родимой матушки голосок». Мать его накормила, напоила и опять за рыбкой пустила.

Пришла ведьма Чувилиха, запела выученным голоском, точь-в-точь родимая матушка. Терешечка обознался, подъехал: она его схватила, да в куль, и помчала. Примчала в избушку на курьих ножках, велела дочери его сжарить; а сама, поднявши лытки², пошла опять на раздобытки. Терешечка был мужичок не дурачок, в обиду девке не дался, вместо себя посадил ее жариться в печь, а сам взобрался на высокий дуб.

Прибежала Чувилиха, вскочила в избу, напилась-наелась, вышла на двор, катается-валяется и приговаривает: «Покатаюсь я, поваляюсь я, Терешечкиного мяса наевшись!» А он ей с дуба кричит: «Покатайся, поваляйся, ведьма, своей дочери мяса наевшись!» Услышала она, подняла голову, раскинула глаза на все стороны — нет никого! Опять затянула: «Покатаюсь я, поваляюсь я, Терешечкиного мяса наевшись!» А он отвечает: «Покатайся, поваляйся, ведьма, своей дочери мяса наевшись!» Испугалась

она, глянула и увидела его на высоком дубу. Вскочила, бросилась к кузнецу: «Кузнец, кузнец! Скуй мне топорок». Сковал кузнец топорок и говорит: «Не руби же ты острием, а руби обухом». Послушалась, стучала-стучала, рубила-рубила, ничего не сделала. Припала к дереву, впилась в него зубами, дерево затрещало.

По небу летят гуси-лебеди; Терешечка видит беду, видит гусей-лебедей, взмолился им, стал их упрашивать:

Гуси-лебеди, возьмите меня,
Посадите меня на крылышки,
Донесите меня к отцу, к матери;
Там вас накормят-напоят.

А гуси-лебеди отвечают: «Ка-га! Вон летит другое стадо, поголоднее нас, оно тебя возьмет, донесет». А ведьма грызет, только щепки летят, а дуб трещит да шатается. Летит другое стадо. Терешечка опять кричит: «Гуси-лебеди! Возьмите меня, посадите меня на крылышки, донесите меня к отцу, к матери; там вас накормят-напоят», — «Ка-га! — отвечают гуси. — За нами летит защипанный гусенёк, он тебя возьмет, донесет». Гусенёк не летит, а дерево трещит да шатается. Ведьма погрызет-погрызет, взглянет на Терешечку — облизнется и опять примется за дело; вот-вот к ней свалится!

По счастью, летит защипанный гусенёк, крылышками махает, а Терешечка-то его просит, убажает: «Гусь-лебедь ты мой, возьми меня, посади меня на крылышки, донеси меня к отцу, к матери; там тебя накормят-напоят и чистой водицей обмоют». Сжалился защипанный гусенёк, подставил Терешечке крылышки, встрепенулся и полетел вместе с ним. Подлетели к окошечку родимого батюшки, сели на травке. А старушка напекла блинов, созвала гостей, поминает Терешечку и говорит: «Это тебе, гостёк, это тебе, старичок, а это мне блинок!» А Терешечка под окном отзывается: «А мне?» — «Погляди-ка, старичок, кто там просит блинок?» Старик вышел, увидел Терешечку, обхватил его, привел к матери — пошло обниманье! А защипанного гусенька откормили, отпоили, на волю пустили, и стал он с тех пор широко крыльями махать, впереди всех летать да Терешечку вспоминать.